

Даниил Любимов

Экипаж

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17878479
Любимов, Даниил. Экипаж: Издательство «Э»; Москва; 2016
ISBN 978-5-699-86775-2

Аннотация

Молодой талантливый летчик Алексей Гуцин, идущий напролом в отстаивании своих принципов, ломающий устоявшиеся стереотипы и пытающийся в одиночку бороться с прогнившей системой, не боится пойти наперекор начальству, превратить в груды ржавого металлолома предназначавшийся олигарху подарок и без затей набить морду зарвавшемуся чиновнику.

Но за независимость нужно платить. На его пути встретятся непонимание со стороны друзей и родных, ссора с любимой девушкой, потеря любимой работы...

Всё расставит на свои места – катастрофа! Балансируя между личной трагедией и стремлением сохранить жизнь десятков людей, Гуцин идет на непомерный риск и проявляет чудеса высшего пилотажа. Будет ли этот полет последним? А если удастся выжить, то чем закончится для Гуцина его опасная эпопея? Выдержит ли его любовь смертельную проверку на прочность? Поймет ли любимая Алексея подлинные мотивы его поступков, сможет ли поверить ему вопреки интригам недоброжелателей?

Даниил Любимов

Экипаж

© ООО «Студия «ТРИТЭ» Никиты Михалкова», 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Стоял самый обычный день – теплый, летний. Взлетали вертолеты, мерно рокоча лопастями; жужжа моторами сновали машины; туда-сюда ходили рабочие – текла привычная жизнь военного аэродрома. Все было как всегда: неторопливо, мирно, слаженно. Алексей Гущин никогда и не запомнил бы этого дня, одного из сотен в веренице таких же, сменяющих друг друга на протяжении уже нескольких лет с тех пор, как он пришел на службу военным летчиком после окончания училища. Но вышло так, что именно этот хороший летний день одним махом перевернул его, как казалось, устоявшуюся жизнь. И позже, многократно проматывая в голове, словно кинолентку, события того дня, Алексей с удивлением отмечал, что они запечатлелись в памяти до мелочей. Помнилось даже то, на что он тогда и внимания-то не обращал...

Алексей во весь рост стоял на высоченном контейнере, водруженном на автопогрузчик, и наслаждался ощущением полета. Со стороны так и казалось, будто Гущин парит в воздухе. Его гимнастерка пузырилась, топорщилась на ветру, а на душе было так сладко, что хотелось петь. Петь Гущин, правда, не решился, но потихоньку насвистывал песенку пилотов Гленна Миллера.

С высоты ему был виден весь аэродром – место, где сосредоточилась вся его жизнь. Алексей любил высоту. Впервые он почувствовал это, когда ему было от силы годы три и они с отцом пошли в парк аттракционов кататься на колесе обозрения. Громадный круг медленно катил подвешенные кабинки, в одной из которых расположились они с отцом. Кабинка плавно поднималась все выше и выше, и отец с легкой опаской поглядывал на маленького Алешку – не испугается и не запросится ли вниз. Но тот с интересом крутил темноволосой головенкой, без всякого страха поглядывая вниз, где остались деревья, люди, лотки с мороженым и газировкой, яркие карусели...

И когда кабинка, описав огромную дугу, опустилась на другой стороне, Алешке так не хотелось выходить, что он чуть не заплакал. Отец крепко сжал его руку и повел есть мороженое в летнее кафе, а сам с гордостью посматривал на сына. Он, известный авиаконструктор, был в тот момент очень доволен. И Алешка испытывал похожее чувство и после не раз просил отца сводить его в парк аттракционов. Всем им – захватывающим дух американским горкам, головокружительным «ромашкам», вращающимся «вальсам» – он предпочитал именно колесо обозрения.

Но по-настоящему любовь к высоте, небу, полету Алексей испытал чуть позже, когда отец взял его на аэродром и пожилой пилот дядя Миша посадил его рядом с собой в кабину самого настоящего вертолета. Машина быстро поднялась в воздух, Алешка сидел рядом, глядя в круглый, прозрачный, как рыбий глаз, иллюминатор, и наблюдал, как удаляется от них земля и становятся крошечными люди, постройки, самолеты...

– Хочешь порулить? – сквозь рокот крутящихся лопастей услышал Алешка над своим ухом и повернул голову.

Дядя Миша с улыбкой смотрел на него. Алешка даже не поверил вначале, что тот не шутит, и неуверенно кивнул.

– Держи, – дядя Миша освободил круглый черный диск.

Алешка обеими ручонками крепко ухватился за него. Он испытывал необыкновенное чувство, оттого, что эта огромная стальная машина сейчас полностью находится в его власти, что он, такой крохотный, сам управляет ею. Конечно, дядя Миша сидел рядом и все контролировал, но вел-то машину он, Алешка! Внизу проносились деревья, вокруг висели ватные облака, и было так невозможно хорошо, что Алешке хотелось, чтобы это ощущение никогда не заканчивалось.

Но вот дядя Миша протянул руки к какому-то длинному рычагу, нажал на него, и вертолет постепенно стал снижаться.

– Пожалуйста, еще один кружочек! – умоляюще попросил Алешка.

Дядя Миша улыбнулся, но выполнил просьбу. Описав круг над аэродромом, вертолет мягко опустился на посадочную полосу. Дядя Миша посмотрел Алешке прямо в глаза и подмигнул:

– Ну что, Алексей, летчиком будешь? – весело спросил он.

– Да, – серьезно ответил Алешка.

Наверное, слишком серьезно, не по-детски это было сказано, потому что дядя Миша вдруг сказал уважительно:

– Молодец! – и крепко пожал его напряженную ручонку.

И все оставшееся детство Алексей точно знал, что станет летчиком. Это было его главной мечтой. Сверстники порой даже посмеивались над ним. Алешкино детство пришлось на девяностые годы, когда мечтать стать летчиком было уже немодно. Сменились приоритеты, и тогдашние мальчишки мечтали стать банкирами, олигархами, а некоторые просто бандитами. Это было куда почетнее, чем летчиком.

Детская мечта не растаяла вместе с детством, и после окончания школы Алексей Гуцин поступил в летное училище, блестяще его окончил и из возможных вариантов выбрал военную авиацию. С тех пор он ни разу не пожалел об этом...

Гуцин продолжал насвистывать, когда снизу раздалось сердитое:

– Гуцин! Гуцин, твою мать!

Алексей опустил голову: внизу стоял подполковник и, задрав голову, смотрел на Гуцина.

– Ты что там делаешь? – все так же сердито спросил он.

– Контролирую доставку груза! – крикнул в ответ Гуцин.

– Технику безопасности нарушаешь, вот что!

– Виноват, – склонил голову Алексей.

– Слазь! – махнул рукой подполковник.

Алексей легко спрыгнул с контейнера и, пролетев несколько метров, мягко опустился точно рядом с подполковником и стал перед ним – статный красавец-брюнет с безупречной выправкой и бесшабашным взглядом карих глаз.

– Ты что делаешь? – рявкнул подполковник. – Ноги решил переломать?

– Виноват, – автоматически ответил Гуцин таким тоном, что было очевидно – никакой вины за собой он не чувствует. Он чуть улыбнулся и добавил: – Да все в порядке, мягкая посадка.

Подполковник лишь покачал головой. Он давно и хорошо знал Алексея и относился к нему чуть покровительственно, по-отечески. Громко распекал за показную удаль, склонность к риску и эффектным трюкам, но при этом очень ценил. Многие ими было пережито вместе, через многое пройдено, и подполковник знал: случись что – Гуцин не подведет. Это был один из лучших его сослуживцев. Да что там говорить, Гуцин был лучшим летчиком в его подразделении. Нечасто подполковнику за свою военную карьеру доводилось видеть такое сочетание смелости, отваги и таланта. При этом Гуцин, казалось, был лишен тщесла-

вия. Во всяком случае, не стремился активно к званиям и наградам. Все, что ему было нужно – это летать. И подполковник часто проявлял снисхождение к его выходкам. Вот и сейчас он не стал долго сердиться, лишь спросил, кивнув на контейнер:

– Это что у тебя?

– Спецгруз для пострадавших от наводнения.

– Ну так давай без этих твоих фокусов! – подполковник погрозил Гущину пальцем и отошел.

Тем временем автопогрузчик подкатил к распаханному чреву грузового самолета, в который по трапу завозили большие контейнеры. Возле стояла сотрудница фонда помощи пострадавшим, довольно молодая, с папкой в руке, и тщательно контролировала погрузку. Ветер трепал ее русые волосы, наскоро сколотые на затылке шпильками. Женщина была серьезна и решительна.

– Ну вот, последний контейнер, а вы волновались, – подходя к ней, сказал Гущин.

– Я не волновалась, – возразила сотрудница. – Просто в прошлый раз отправили железной дорогой, так половину растащили! Приходится за всем следить. А где командир? – Она огляделась и повторила более настойчиво: – Командир где?

– Вон он, – кивнул Гущин на вывернувшего из-за самолета подполковника.

Тот не спеша, вразвалочку, двинулся к ним. Подходя, он спокойно бросил:

– Не надо кричать, мадам! Никуда не денутся ваши коробки!

Сотрудница фонда попыталась противостоять столь небрежному отношению и отчеканила:

– Я вам не мадам, а это не коробки. Это одежда, продукты и лекарства для пострадавших от наводнения. Игрушки в детский дом! – Она, словно пытаясь донести до командира всю важность контролируемого ею мероприятия, посмотрела ему в лицо и тихо добавила: – Вы знаете, с каким трудом это по всей области собирали? Там у людей все пропало...

Отвернувшись, она стала, двигая ручкой в воздухе, пересчитывать контейнеры, оставшиеся непогруженными. Гущин, желая ее подбодрить, произнес, показывая в небо:

– Не волнуйтесь. Там никто ничего не растащит.

– Хорошо бы, – вздохнула женщина. – Ваш начальник сказал, что сам полетит и за всем проследит.

Это было неожиданное заявление. Гущин с командиром переглянулись.

– Сокол, сам? – недоверчиво спросил командир.

Сотрудница фонда не успела ответить: в чрево самолета один за другим въехали три огромных джипа, перевязанные нарядными лентами.

– А это что такое? Тоже помощь пострадавшим? – с иронией спросил командир.

К ним подходил щеголеватый мужчина средних лет, с гладким, лоснящимся лицом, державшийся очень самоуверенно. При его появлении Гущин и командир синхронно отдали честь.

Это был Сокол, командир части. Своей громкой фамилии он не слишком-то соответствовал, поскольку пилот был не ахти какой, а до высокого чина дослужился лишь благодаря умению заводить нужные связи и вовремя подмазаться к вышестоящему начальству. В части Сокола не любили: он привык повелевать подчиненными, разговаривал свысока, умел пустить пыль в глаза начальству и всегда числился на хорошем счету, несмотря на то что во время службы имел привычку приложиться к коньячку и основную работу переложить на других. Что странно – летать Сокол не любил, это замечали многие. Было непонятно, для чего он при этом пошел в авиацию. Но тот, кто был знаком с его карьерой, весьма успешной для его возраста, догадывались, что ради нее и пошел. А еще Сокол обладал талантом уходить от ответственности, ловко перекладывая ее на других. И участи того, кого он решал избрать козлом отпущения, можно было только посочувствовать. На чужие нужды и про-

блемы Соколу всегда было плевать, и тем более странным выглядело его желание лично сопровождать контейнеры с гуманитарной помощью. Оно могло объясняться только личной заинтересованностью командира части.

– Вольно. Здрасьте, барышня, – с налетом фамильярности обратился Сокол к сотруднице фонда.

– Простите, а что это? – удивленно поинтересовалась та, кивнув в сторону джипов.

Сокол ответил вальяжно:

– Это не по вашей части. Это подарок. У одного хорошего человека дочка замуж выходит.

– У какого еще человека? – попробовала возмутиться женщина.

Сокол, посмеиваясь, ответил:

– Там такой человек – у-у-у! – сложил он губы трубочкой для наглядности. – Все вопросы решает.

– Но у нас же гуманитарная помощь... – в замешательстве напомнила сотрудница фонда.

Сокол мгновенно показал, кто здесь главный, и прикрикнул:

– Так, женщина! Вы тут голос не повышайте! Я же обещал, что ваш хлам доставлю. Так что спасибо скажите, – пренебрежительно бросил он и, хлопнув по плечу своего солдата Федосеева, добавил: – Правильно?

Федосеев, зная, что Соколу лучше не перечить, с готовностью кивнул.

– Вот так, – удовлетворенно подвел итог тот.

– Спасибо, – сухо произнесла женщина и, развернувшись, пошла прочь.

По ее натянутой, как струна, фигуре, было видно, что пренебрежительное отношение Сокола ее очень разозлило.

Сокол развел руками и спросил:

– Вот как с ними работать?

Ни Гушин, ни командир ничего не ответили, сочтя вопрос риторическим. Сокол достал из кармана плоскую фляжку и отхлебнул из нее.

– С джипами – вес большой, – заметил Гушин.

– Вес в пределах нормы, – обнадеживающе заявил Сокол и распорядился: – Все, на взлет! И чтоб эти жеребцы к завтрашнему утру сияли под окнами молодоженов, как сапог на параде! Задача ясна? – строго спросил он Гушина и командира.

– Так точно, – ответил командир, который на своем веку не раз убеждался, что спорить с начальством – себе дороже, и вслед за Соколом отправился в трюм грузового самолета.

Гушин уже собирался последовать их примеру, как вдруг почувствовал, что сзади его кто-то дергает за рукав. Обернувшись, он увидел женщину из фонда помощи пострадавшим. Она просительно смотрела на него и протягивала какую-то коробку. Волнуясь, она проговорила:

– Пожалуйста, передайте. Там в детдоме пацан один, Пашка... Он очень ждет. Встречающие знают.

Гушин протянул руку и взял коробку. Это был яркий, красочный конструктор «Лего».

– Не переживайте, передам, – пообещал он.

– Спасибо. – Женщина поспешила отойти.

Гушин забрался в самолет. Тот быстро разбежался по взлетной полосе и взмыл в небо.

* * *

Полет выдался крайне неудачным. Ночь, гроза... Худших условий трудно было представить. За окнами кабины то и дело вспыхивали молнии, отблески электрических разрядов

синими корявыми змейками разбегались по стеклу. Самолет трясло и швыряло то вверх, то вниз. Гуцин крепко держал руль, зубы его были плотно сжаты. Он понимал, что они попали в серьезную передрагу, из которой предстоит выбираться.

В трюме, покачиваясь, сидели сопровождающие груз солдатики – бледные, с изможденными лицами. Когда самолет подбрасывало, они хватались руками за гладкие стены, пытаясь удержать равновесие. Многих тошнило, они держались из последних сил, глядя на контейнеры и коробки с грузом. Их закрепили крепко, но сейчас это плохо помогало: груз также постоянно трясло, вот-вот готовы были ослабнуть узлы и разойтись прочные веревки. Кое-как солдаты поддерживали контейнеры, начинавшие крениться на сторону. В следующий миг самолет будто нырнул в глубокую яму. Один из солдатиков не сдержался, его стошнило прямо на пол... Его спутники дрожащими руками пытались закрепить узлы, привести в надежное положение контейнеры, но силы были на исходе.

В кабине самолета Гуцин и командир, не менее усталые и измученные, боролись с непрекращающейся грозой, пытаясь выровнять самолет. Пот стекал по их лицам, попадал в глаза, которые сразу начинало едко щипать. Напряженные руки пилотов крепко сжимали рукоятки приборов, периодически переключая их в нужное положение.

– Говорил же, обходить надо! – сквозь зубы процедил Гуцин.

– Что ты говорил? Не слышал – начальство приказало! – зло отозвался командир. – Если хочешь, иди вон и спорь с ним!

Он кивнул за спину, на дверь, ведущую в салон самолета, откуда тут же, словно услышав их разговор, показался Сокол. Он с трудом держался на ногах: его подкидывало на виражах, совершаемых самолетом.

– Вы бы понежнее! Машины побьете, – недовольно сказал он и спросил: – Скоро мы?

– Придется уходить на запасной аэродром, – вместо ответа сказал командир.

– Отставить! – тут же возразил Сокол. – Так не пойдет! У тебя задание.

– У меня гроза, – не поворачиваясь, произнес командир.

Словно в подтверждение серьезности ситуации самолет трянуло так сильно, что подбросило всех, включая пилотов. Сокол едва устоял на ногах и выругался.

Гроза эта возникла так некстати! Джипы во что бы то ни стало нужно было довести в целости и сохранности. Он, Сокол, еще две недели назад пообещал главному прокурору области Корзуну преподнести их в подарок его дочери на свадьбу. Собственно, это был даже не подарок, а оплата услуг Корзуна, сыгравшего главную роль в получении Соколом нового чина. С Корзуном Сокола связывало давнее взаимовыгодное сотрудничество, налаженное усилиями последнего. Сколько нервов, времени, денег потратил Сокол, сколько устраивал для прокурора попоек с деликатесами, ледяной водкой и коньяком отменного качества, заканчивавшимися банькой и девочками, сколько дорогих подарков передарил – не сосчитать! Словом, прикармливал долго. Ну да ладно, оно того стоило. Корзун отработал все честно: звонил куда следует – и Сокол получал то внеочередное звание, то новенькую ведомственную квартиру с правом перехода в собственность, то бесплатные путевки в лучшие санатории на всю семью...

Нынешнее повышение было как нельзя кстати для Сокола, поскольку за ним предполагался следующий этап – перевод сына в Москву с устройством на хорошую должность с приличным окладом. Сын Юрка в будущем году оканчивал юридический институт и, конечно, делать в этой дыре ему было нечего. Главной целью была столица, куда следом и сам Сокол надеялся перебраться, и тут без протекции Корзуна не обойтись. И джипы должны были послужить не только платой за новую должность Сокола, но и авансом за помощь Юрке. И теперь из-за какой-то дурацкой грозы все может пойти прахом!

– Товарищ командир! – послышалось сзади.

В кабину заглядывал перепуганный солдат Федосеев.

– Чего тебе? – спросил Сокол.

Федосеев показал дрожащей рукой назад и проговорил:

– Там в контейнере кто-то есть.

Командир покосился на Гущина и коротко приказал:

– Иди проверь.

Гущин поднялся, оставляя командира одного в кабине, и вместе с Федосеевым и Соколом прошел в трюм.

– Вон там, – ткнул пальцем Федосеев.

Гущин подошел к контейнеру, на который показывал солдат, и приложил ухо к холодной металлической стенке. Он ничего не мог различить сквозь стоявший вокруг оглушительный грохот. Гущин оторвал голову от контейнера, и вовремя: самолет резко швырнуло вбок. Гущин с трудом удержал равновесие, Федосеев упал. Краем глаза Гущин заметил, как дернулся стоявший на стапеле один из джипов и поехал вперед. Налитая железом громадина легко скользнула со стапеля, будто пушинка, и со стремительной силой полетела прямо на Сокола...

В один прыжок Гущин оказался рядом и успел оттолкнуть его. Джип пронесся мимо и врезался в контейнер, вспоров металлическую обивку, будто лезвием. Дверцы раскрылись, и на пол грудой повалились глазастые пластмассовые куклы. Они таращили выпуклые неживые глаза и нестройно повторяли полуоткрытыми ртами: «Ма-ама!» – похожее на кошачье мяуканье.

В трюме было темно, в отсвете сверкнувшей молнии Гущин едва сумел различить гневное лицо Сокола. Он что-то кричал, но невозможно было понять ни слова. Растерянный, насмерть перепуганный Федосеев во все глаза наблюдал за происходящим, не зная, что делать.

Прокатился длинный сотрясающий раскат грома, разорвавшийся над самым ухом. Гущин побледнел: ему показалось, что разряд попал в самолет. Машину подбросило в воздухе, швырнуло в сторону.

Наплевав на все остальное, Гущин рванулся по ходившему ходуном полу в кабину, где командир оставался наедине с разбушевавшейся грозой. Едва не упав, он вбежал внутрь и сел на свое место. Тряска была безумная, руль едва не выскакивал из рук.

Сокол застрял в проеме двери и пытался устоять там, обеими руками схватившись за боковины.

– Не могу удержать! – в отчаянии прокричал командир Гущину.

– Управление принял! – Гущин перехватил руль, уловив облегчение на лице командира.

Штурвал дергался, норовил выпрыгнуть из рук, но Гущин будто намертво вцепился в него. Командир наблюдал за ним с нескрываемым страхом и надеждой, понимая в душе, что даже он, со своим опытом, не справляется с вышедшей из-под контроля машиной. Только Гущин сейчас мог ее подчинить, только на него была надежда выбраться из этой нечеловеческой болтанки.

Но сам Гущин понимал, что дело плохо. Он был классным пилотом, гением, но он не был Богом. Он мог укротить самолет, но не мог укротить неподвластную ему стихию. Лицо Гущина мрачнело все больше. Они были близки к катастрофе.

– Паша... – не поворачивая головы, обратился Гущин к командиру.

Тот догадался без продолжения. Они с Гущиным в трудных ситуациях давно научились обходиться знаками, жестами, порой понимая друг друга даже не с полуслова, а с полувзгляда. Лицо командира мгновенно осунулось. Уж если Гущин был на грани краха...

– Вперед давай! – скомандовал тем временем Сокол, с тревогой наблюдавший за действиями пилотов.

Самолет вновь швырнуло вбок. Краем глаза Гушин увидел, как из кармана кресла вывалилась коробка с конструктором «Лего», врученная ему сотрудницей фонда помощи. Эту коробку Гушин сам туда сунул для сохранности, не предполагая, чем все обернется.

– На такую грозу никто не рассчитывал, – с трудом подавляя злость, ответил Гушин Соколу. – Вот-вот свалимся.

– Я тебе свалюсь! – пригрозил Сокол, весь кипя.

Он представил себе на минуту, как падает самолет, как разбиваются в лепешку новенькие блестящие джипы, и у него лоб покрылся испариной. Именно потеря джипов, от которых сейчас зависело будущее сына, да и его самого, представлялась Соколу сейчас наибольшей бедой.

Командира, понятно, джипы так сильно не заботили. Ему просто хотелось жить. Вернуться домой из этого проклятого рейса, сесть за стол, навернуть, постанывая от удовольствия, полную тарелку горячего борща, поданного женой; выпить «с устатку», закусить ею же приготовленными маринованными огурчиками и грибочками... Жена у командира была знатная кулинарка, и почему-то мысль о том, что больше ему не доведется попробовать ее разносолов – нелепая, неуместная, – сейчас навевала на него наибольшую тоску и усиливала желание выжить. Он был простой мужик, и потребности имел такие же простые и понятные.

Гушин же, казалось, весь сосредоточился на управлении машиной. Точнее, попыткой, потому что управлением это назвать было сложно. Скорее это ими всеми сейчас руководила сверху невидимая сила, пред которой и самолет, и его пилоты были беспомощны.

– Нужно попробовать грозу перепрыгнуть, иначе кирдык, – вынес свой вердикт Гушин.

Такое решение было единственно правильным, командир тоже это понимал. По-другому ничего не получится. Но такое проще сказать, чем сделать. И Гушин тоже это знал. Своей фразой он готовил в первую очередь Сокола к тому, что придется пожертвовать его драгоценным грузом.

Молния будто могучим копьём пронзила крыло. Самолет накренился так, что двигатели заработали с перебоями, в прерывистом режиме, а следом послышался сигнал тревоги, предвещающий печальный конец...

– Так перепрыгивай! – нетерпеливо воскликнул Сокол.

– Такую тяжелую машину не поднимем. Перегруз тонн шесть, – ответил Гушин.

– И чего? – взвился Сокол.

– Чего, чего! – сердито передразнил командир. – Сбрасывать балласт надо к чертовой бабушке, пока не...

Сокрушительный удар грома заглушил его последние слова.

– Ну так сбрасывай! – раздраженно распорядился Сокол и в сердцах пнул коробку с «Лего».

Гушин увидел, как та разлетелась вдреизг, и в груди у него екнуло. Он представил, как мечтает сейчас в своем детдоме об этой коробке мальчик Пашка, у которого и так в жизни никаких радостей. Он перевел хмурый взгляд на Сокола и произнес медленно:

– Там же пострадавшие люди ждут, дети...

– Чего??? – взревел Сокол. – Тут ЧП! А им еще насобирают! Сбрасывай, говорю! И так одну машину покалечили!

Мысль о помятом джипе, который теперь невозможно было подарить дочери Корзуна, и так острой иглой колола Соколу в мозг, а упоминание об этих ничтожных подаяниях и вовсе привело в бешенство.

Он вперил злой взгляд в командира, тот отвел глаза. Ему было неловко, он заранее испытывал вину как перед теми, кому предназначалась помощь, так и перед теми, кто бережно готовил ее.

– Это приказ! – безапелляционно заявил Сокол, видя замешательство подчиненных.

Командир с тоской посмотрел на Гущина.

– Действуй, чего смотришь! – с досадой сказал он.

Гущин молча поднялся.

– Управление сдал! – коротко отрапортовал он.

– Управление принял, – нехотя ответил командир.

– Давай быстрее! – поторопил Гущина Сокол, когда тот проходил мимо него в дверь и крикнул вдогонку: – Как фамилия?

– Гущин.

– Давай, Гущин! – напутствовал его немного приободрившийся Сокол. – Еще и поощрение выпишем: дескать, в сложной обстановке пилот Гущин не растерялся...

Недослушав, Алексей вышел из кабины. Решение у него уже созрело, когда он смотрел на раскатившиеся по полу кабины разноцветные детальки от конструктора, на лоснящееся лицо Сокола, вспоминал просящие глаза женщины из фонда помощи и ее слова: «Там в детдоме пацан один, Пашка... Он очень ждет...»

И, заглянув в темноту трюма, Гущин крикнул:

– Эй, бойцы! Приказ начальства! Открепляйте ремни.

Солдаты засуетились, подчиняясь приказу. Медленно раскрылся задний шлюз самолета, в чрево машины тут же ворвался ветер, обдав солдат своим ледяным дыханием. Ремни были убраны...

...Отец и сын Микенькины мерзли на озере, сидя в надувной лодке. Они удачно стащили у жены и матери литровую бутылку самогона, пока та лазила в подпол за картошкой, и спешно отправились на рыбалку. Но на этом их везение кончилось: едва они успели принять по стакану ядреной, настоящей на хрене и смородиновом листе самогонки, как началась гроза. Остаться на воде было опасно, и отец, проявив благоразумие, скомандовал:

– Все, сматывай удочки!

Беспечная молодость сына, а также нежелание попадать под горячую руку матери, уже наверняка хватившейся пропажи, вселяли упрямство в Микенькина-младшего.

– Да ладно, в такую погоду самый жор! – отмахнулся он и, стремясь раздобрить отца, поднес ему полный стакан. – Держи! За улов!

Старик, еще чуть сомневаясь, взял кружку, оба выпили. Крякнув от удовольствия, отец поднялся и, протянув руку, закусил огненную смесь луковицей.

Вдруг он покачнулся. Неподалеку послышался страшный удар. Отец и сын синхронно вздрогнули и в испуге повернули головы, однако разглядеть сквозь темень и хлеставший дождь ничего не смогли. Следом раздался еще один удар. Рыбаки в страхе переглянулись, инстинктивно подавшись друг к другу. Затем озеро огласил жуткий всплеск. Взметнувшиеся воды окатили обоих, в один миг вымочив одежду, лодка подпрыгнула и опустилась обратно, зачерпнув воды, которая тут же натекла в обувь – высоченные резиновые сапоги оказались полны по самые уши. Ошалелые рыболовы увидели, как прямо перед ними из глубины медленно всплывает морда дорожного джипа, кокетливо перевязанного подарочной лентой...

С минуту отец и сын молчали, не в силах вымолвить ни слова от неожиданности. Затем старик, заикаясь, произнес:

– Я ж тебе говорил – кончай пить! Какая хорошая самогонка ни будь, а меру знать надо...

...Алексей Гущин оглядел наполовину опустевший трюм и удовлетворенно мотнул головой. Теперь здесь остались только контейнеры и корзина с цветами. А это значит, что пострадавшие получают свою помощь и усилия не пропали даром. Алексей возвращался в кабину с легким сердцем. Он не думал о том, во что выльется гнев Сокола, когда тот увидит, каким образом был приведен в действие его приказ. Гущина радовало, что он сумел помочь людям. Теперь можно было выбираться из грозы.

– Управление принял! – сообщил Алексей, садясь на свое место.

– Управление передал, – отозвался командир и добавил негромко: – Давай, Леха!

Самолет по-прежнему трясло, но машина существенно полегчала, и выровнять ее стало проще. Медленно, стараясь не ошибиться, Гуцин преодолевал крен, возвращая самолету нормальное положение. Алексей почувствовал былую уверенность, машина снова подчинялась ему, становилась послушной в его умелых опытных руках. Меж тем внутреннее напряжение не исчезло, и Алексей продолжал борьбу. Мокрый от пота, он все-таки поднял самолет на нужную высоту. Облачность ушла вниз, турбулентность стихла. Командир, все это время не сводивший глаз со своего пилота, готовый прийти на помощь в любую секунду, одобрительно подмигнул ему. Гуцин сделал это!

В кабину заглянул Сокол, произнеся единственное слово:

– Ну?

– Будет вам мягкая посадка, – ответил Гуцин, скрывая усмешку.

Сытое лицо Сокола стало довольным. Повеселев, он хлопнул Гуцина по плечу и поспешил обратно – ему не терпелось проверить, в каком состоянии его груз.

– Натерпишься тут с вами, – все-таки попытался он уколоть пилотов.

Но те проигнорировали его слова. Гуцин с чувством выполненной миссии вел самолет, командира же раздирали противоречивые чувства: он был и счастлив, что все остались живы, и стыдился, что за это пришлось заплатить такую цену. Осознание этого омрачало радость победы. Признаться, довольно паршиво было у него на душе, и он отвернулся от Гуцина.

Спустя минуту дверь резко распахнулась и в кабину ворвался Сокол. Таким взбешенным его еще не доводилось видеть. Сжимая кулаки, заходясь в иступленной ярости, он потрясал кулаками, не находя слов, чтобы выразить свое состояние. Джилов не было, не было ни одного! Этот мальчишка, возомнивший о себе неизвестно что, вытряхнул их из самолета, как ненужный хлам! Нарушил приказ командира части – его, Сокола, приказ! Все это бушевало, огнем полыхало внутри, Сокол был готов уничтожить, в порошок растереть этого зарвавшегося пилотишку!

Командир, ничего не понимая, в недоумении перевел взгляд с Сокола на Гуцина. Алексей, не оборачиваясь и сомкнув губы, продолжал смотреть прямо перед собой. Час расплаты настал, но он не жалел ни о чем.

* * *

Не жалел Гуцин об этом, и когда спустя неделю сидел в своей облезлой комнатке военного общежития, по пояс голый, и отпарывал погоны с гимнастерки. На пустой металлической кровати с панцирной сеткой лежал свернутый рулоном матрас, а рядом – распахнутая сумка, еще не собранная до конца, в которую ему предстояло покидать свои нехитрые пожитки. Алексей тупо, механически ковырял нитки и словно не замечал ничего вокруг, сосредоточившись на своем кропотливом занятии.

Протяжно скрипнула дверь, и в уши ворвался такой же противный визгливый голос:

– Гуцин, за графин заплати! Пока не заплатишь – не подпишу.

Комендантша общежития Клавдия Васильевна, довольно вредная и въедливая тетка за шестьдесят, своей обыденной фразой словно вернула Алексея к действительности. Он оторвал голову от гимнастерки и вперил взгляд на захлопнувшуюся старую деревянную дверь. Посмотрел на комнату: облупившаяся зеленая краска на стенах, неровный в трещинах столет не беленный потолок... Ремонт в общежитии делался редко, а если и делался, то на выделенные из бюджета более чем скудные средства, позволявшие лишь наскоро покрасить стены и подлатать потолок, который через неделю вновь начинал крошиться и осы-

паться. Куски штукатурки падали на кровать, и жильцам частенько приходилось ворочаться в постели, пытаясь вытряхнуть колючие крошки.

Но сейчас убожество обстановки не раздражало Алексея. Напротив, его охватило какое-то щемящее чувство тоски: в этот момент он четко осознал, что прощается с этой комнатой, где прожил целых три года, навсегда... При разлуке все кажется куда милее, чем есть на самом деле, и Гущин особенно остро чувствовал, как дороги ему эти обшарпанные стены и пружинящая провисшая сетка кровати, на которой порой ему никак не удавалось принять удобную позу. Дорог был ему и всегдашний общежитский шум, доносившийся из коридора, под который часто не получалось уснуть. И даже противный голос комендантши сейчас звучал сладко. Сквозь тонкие стенки, перегораживающие одинаковые, словно кубики в детской игрушечной коробке, комнатухи, все было слышно: откуда-то доносился звонкий смех, где-то стучали костяшками шашек, кто-то переругивался беззлобно, а из дальнего конца коридора неслись призывы на обед. И все было таким родным, знакомым, своим и – чужим. К Алексею все это больше не имело никакого отношения. Вот так, в один миг: был свой – стал чужой.

Алексей снова уткнулся в гимнастерку, яростнее подцепив никак не поддающийся край нитки с туго закрученным узелком. Он не смотрел на командира, расхаживающего по тесной девятиметровке крупными размашистыми шагами. Он мерил так комнату уже минут двадцать, все пытаясь что-то втолковать Алексею, и сильно нервничал. Алексей не слушал. Все это он знал и сам. Слова были лишними.

Командир устал распинаться об одном и том же и, оглядев Алексея со стороны, тяжело вздохнул и перешел от убеждений к действиям. Подойдя к столу, щедро налил в казенный граненый стакан водки и поставил перед Алексеем.

– Давай, через не могу, полегчает.

– Нет, – не поднимая глаз, отозвался Гущин.

Командир чуть поколебался, затем махом опрокинул налитый стакан, шумно крикнул и утер рот рукавом гимнастерки.

– Леха, ну сам же виноват, а! – присев рядом, обратился он к Гущину. – Вот скажи, чего ты свой характер все показываешь?

– Ничего я не показываю, – сквозь зубы процедил Алексей.

Командир снова вздохнул:

– Ну, получили они эту дребедень, а ты что получил?

После этой фразы Алексей поднял голову. Взгляд его, твердый, будто отлитый из чугуна, уперся в командира. Тяжело, низко, с хрипотцой он произнес:

– Дети в детдоме – это не дребедень. Сам же не хотел сбрасывать.

– Ну, не хотел, – признал командир.

Он порывисто поднялся и снова заходил по комнате. Где-то на середине третьего круга резко развернулся к Алексею:

– Да, не хотел! Не хотел! Но надо же головой думать?! – Командир с досады больно постучал себя кулаком по лбу. – Леха, ты где живешь – не понимаешь? Есть правила: просят отвернуться – отвернись. Просят глаза закрыть – закрой. Люди свои дела сделают, потом тебе помогут.

– Да к черту такие правила! – отшвыривая в сторону гимнастерку, резко ответил Гущин. – Я такие правила, где интересы толстосумов ставятся выше интересов детей, выполнять не подписывался! И никогда их выполнять не буду!

– Молодец! – всплеснув руками, с иронией прокомментировал командир. – Все бабки отдал, еще и должен остался. Молодец! Теперь тебе даже кукурузник не видать как собственных ушей с твоим волчьим билетом.

Алексей медленно поднял на командира страдальческие полные тоски глаза.

– Паша, ты добить решил? – тихо проговорил он.

Командир снова сел рядом. Не хотел он добивать Леху, любимого подчиненного и друга своего лучшего, да и злился-то сейчас не на него, а на ситуацию, и на эти чертовы правила, будь они неладны! Ему самому было тошно порой выполнять нелепые противоречащие и здравому смыслу, и совести приказы. Но послушаться...

Командир подавил вздох. Однажды он уже послушался. Тоже вот, как Леха, не стерпел, когда молодой без году неделя лейтенант, резко назначенный командиром экипажа благодаря деду-генералу, в один миг единолично принял решение об увольнении Мишки Крюкова, классного летчика, высказавшего после первого же совместного полета новоиспеченному начальнику все, что думал о его профессиональном уровне, не стесняясь в выражениях. Павел как сейчас видел, как дедовский внучок, напыщенно оттопырив нижнюю губу, зачитывал докладную о безобразном поведении Крюкова, которую, по его распоряжению, должны были подписать остальные пилоты. Кто-то понуро молчал, кто-то пытался заступиться за Мишку, а он, Павел, открыто заявил, что Крюков сказал все верно и что ничего он подписывать не станет, а если кого и надо гнать в три шеи, так это самого командира...

Такого Павлу не простили. Уволить, правда, не уволили благодаря начальнику штаба, полковнику Столярову, лично защитившему его от кляуз обозленного лейтенанта перед вышестоящим руководством – сверху уже посыпались проверки и требования объяснений, дедуля-генерал подсуетился. Однако лишили не только премии, но и вклеили штраф, а также на месяц отлучили от полетов. Четыре недели Павел чистил картошку и драил сортиры на аэродроме, по вечерам выслушивая причитания жены и ее же упреки в наплевательском отношении к семье, потом вернулся за штурвал с понижением в звании, а когда поступило предложение от старого приятеля перевестись на периферию возить грузы, согласился не раздумывая.

Урок этот дался Павлу тяжело. Особенно одолевала боль от зуда жены Валентины, бабы хорошей, но до самозабвения влюбленной в деньги. Потерю мужниной премии переживала так, что ночами не спала и до-о-олго потом вспоминала... А Павел лежал рядом и вместо жарких ласк жены получал сдобренные слезами сожаления и причитания.

Одно Павел тогда для себя усвоил четко: будешь лезть головой вперед – будь готов подставить задницу. Ему своей было уже жаль. И все же, вспоминая этот двадцатилетней давности случай, Павел порой с тоской думал, что только тот его поступок и был настоящим за все годы службы. Потом уже – нет. Потом приходилось прятать голову под крыло, прогибаться, беречься, не высовываться – и молчать.

А вот Леха не думал об этом, делал, что считал нужным и был в этом плане куда свободнее его. Леха был молод, и сил его вполне хватало на подобные жесты, на которые он, Павел, уже не был способен. И сейчас, глядя на своего уже бывшего подчиненного, Павел испытывал противоречивые чувства. Привыкнув прятать истинные чувства, в глубине души он одобрял поступок Алексея. Одобрял и даже завидовал, что он так не может. И за детишек, получивших свои игрушки, был рад. Но Леху-то, Леху что теперь ждет? Ведь никакого будущего у парня, впереди теперь – ни-че-го! И он не может помочь. Уж ходил, кланялся вопреки данному давным-давно зарок не заступаться за неугодных! Да только без толку. Все равно выперли.

Павел с сожалением посмотрел на парня, проговорил с грустью:

– Леха, ты же классный летчик! Ты без неба не проживешь, я же знаю. Помрешь ведь.

– Уже помер, – коротко, будто звякнул, отозвался Алексей, и по лицу его было видно, что он не шутит.

Павел собрал все запасы красноречия, на которое был способен, вдохнул воздуха и заговорил убеждающе:

– Леха, еще раз говорю – езжай к отцу, что ты упрямисься?! Попроси помочь. Я вообще не понимаю, как ты с таким отцом в этой дыре оказался. Пусть хоть раз тебя пристроит.

– А я еще раз говорю – и просить не буду, и никуда не пристроит. Вообще не такой.

Павел еще хотел что-то сказать, но, глядя на Алексея, понял, что это бесполезно.

– Ну, и что делать будешь? – только и спросил он.

– Не знаю, поеду на станцию, там разберусь.

Павел несколько секунд смотрел на поникшую фигуру Алексея, затем порывисто обнял его.

– Леха, я знаю, они и меня выгнать хотели. Спасибо, что на себя взял.

– Да забудь, – махнул рукой Алексей.

Благодарить тут, по его мнению, было не за что. Зачем подставлять командира, если все равно наказание грозит суровое? Еще и его подводить? У него жена, дочь, их кормить надо, понятное дело. У Лехи – никого. Только отец. Хотя... Алексей давно не был уверен, есть ли он у него. В смысле, сохранились ли между ними хоть какие-то родственные чувства.

– Леха, езжай в Москву, попроси отца! – настаивал командир.

Он не мог смириться с тем, что Алексей, классный летчик – да что там классный, пожалуй, лучший, с кем ему доводилось летать, – останется без неба. Это казалось Павлу невыносимым, и он снова и снова, с непреодолимым упрямством убеждал его сделать единственно правильный, как он считал, шаг. Он недоумевал, почему Алексей, в свою очередь, так упорно отказывается совершить этот шаг. О сложностях во взаимоотношениях Алексея с отцом он слышал от него пару раз, и то мельком – Гуцин не любил распространяться на эту тему. И не слишком-то верил в убежденность Алексея в том, что отец не станет ему помогать. Как же так? Родному сыну – и не помочь? При его-то связях и возможностях? Подобное не вписывалось в видение мира Павлом. Сам он ради своей дочери мог пойти на многое, а уж тем более переступить через какую-то столетнюю обиду, что черной загадочной тенью пролегалла между Алексеем и его отцом. Павел не знал толком причины этого отчуждения, но полагал, что она наверняка высосана из пальца.

Павел, не мигая, смотрел на Алексея, ожидая, что тот ответит.

– Нет, – в очередной раз повторил Алексей, и командир понял, что это все.

* * *

В потрепанном пиджаке и старых джинсах, с сумкой через плечо, в которой уместилось все скромное добро, что нажил Алексей за три года, он выходил из подземного перехода. Напирающая толпа неумолимо давила сзади и наконец вытолкнула Алексея наружу, на огромную площадь с возвышающимся памятником космонавтам. Обретя долгожданную свободу движений, зажмурившись от брызнувшего в глаза россыпью золотистых лучей света, Алексей ошалело остановился. Он словно попал в другой мир – чужой, непривычный. Здесь бурлил людской поток, по широким улицам непрерывно двигалось туда-сюда огромное количество машин, и вся эта не на секунду ни останавливающаяся масса создавала ощущение броуновского движения.

Алексей, отвыкший от такого энергичного ритма, три года проведенный в военном гарнизоне, где жизнь текла совсем по другим скоростным каналам, стоял посреди площади и глуповато озирался вокруг. Он, коренной москвич, ощущал себя сейчас здесь неуверенным в себе провинциалом.

Постояв и немного освоившись, Алексей двинулся дальше. Он шел медленно, подсознательно оттягивая свой визит в отцовскую квартиру. Он именно так и воспринимал ее, как отцовскую, несмотря на то что родился и вырос в ней. Теперь это был не его дом. У

него вообще не было дома. И вновь щемящее чувство тоски и одиночества, накрывшее его в общежитской комнате, охватило Алексея.

Он еще замедлил шаг. Идти к отцу не хотелось совершенно. Пашка, командир, за эти годы ставший для Алексея и старшим другом, и кем-то вместо отца, наивный и добрый Пашка не понимал всей глубины пропасти, пролегшей между Алексеем и отцом. И дело было не в мальчишестве Алексея, не в том, что он так и не научился соблюдать неизвестно кем придуманные правила, проще говоря, заискивать и угождать, – а в тяжелом, железобетонном характере отца, его твердолобой жизненной позиции, которую он и сам-то, скорее всего, не смог бы сформулировать. Сын всегда не прав – вот, пожалуй, каким был его девиз.

Сколько себя помнил Лешка, отец всегда был таким. Даже в Лешкином детстве не обнимал, не подбрасывал сына на руках – вообще избегал проявления какой бы то ни было ласки. То же самое относилось и к матери. Ни разу Лешка не видел, чтобы отец целовал ее, дарил цветы или как-то еще выражал свою нежность. Он не пил, не гулял, много работал и честно выкладывал раз в месяц всю свою зарплату на массивный обеденный стол. Наверное, это было показателем того, что он хороший муж и отец.

Мама – добрая, смешливая, озорная – была совсем другой. У нее был очень мелодичный голос и чудесный смех колокольчиком. Отец же все больше хмурился, маминых шуток как будто не понимал и сам никогда не шутил. Алексей вообще считал, что у него нет чувства юмора.

И характер у мамы был легким, и ушла она легко – во сне, со слабой улыбкой, никому не причинив мучений длительного ухода за собой, как предрекал свалившийся с небес смертоносный диагноз.

Алексей переживал утрату матери очень остро, хотя и было ему на тот момент восемнадцать лет – не ребенок, но и не взрослый, да и вообще возраст зыбкий и опасный, когда мысли набекрень и швыряет тебя из стороны в сторону, пока не выбросит наконец на какую-нибудь дорогу, и дай бог, чтоб на единственно правильную. Лешке в этом смысле повезло: он с детства знал, что будет летчиком, а следовательно, путь был определен: после школы нужно поступать в летное училище, что он и сделал, сдав экзамены вполне сносно, хотя сам даже не помнил, как это получилось – все происходило в тумане, на автопилоте после шока от смерти мамы.

Отец же, казалось, не переживал вовсе. Со свойственной ему педантичностью соблюдал все необходимые процедуры, на похоронах не проронил ни слезинки, на поминках выпил единственную рюмку, сдержанно и без эмоций принимал соболезнования...

Ночью он закрылся в своей комнате, погасил свет и лег спать. Алексей не спал, лежал, заложив руки за голову, и думал, как же можно так обыденно переносить уход того, с кем прожил двадцать лет? От мыслей его отвлекли донесшиеся из-за стены звуки, похожие на глухое рычание собаки, переходящее в отрывистый лай. И, холодея, он вдруг понял, что это плачет отец – его железный отец, никогда не позволявший себе никаких внешних проявлений личных чувств.

Утром, когда Лешка вышел из комнаты, отец уже стоял перед зеркалом в ванной и расчесывал металлической расческой с ровными частыми зубцами свои густые волосы. Лешка обомлел: всегда жгуче-черные, как и у него самого, сейчас они были белыми. Отец поседел в одну ночь. И там, где он проводил расческой, волосы прядями падали на пол, оставляя некрасивые залысины...

Не только новой жены, но и просто другой женщины у отца так и не появилось. Алексей не знал, встречался ли он с кем-то на стороне, но в дом, где жили, никого не приводил ни разу, обозначив таким образом, что дом этот – их, семейный, и любой другой, кто войдет в него – чужой. А чужому здесь не место.

Но и уход матери не сблизил их, не смягчил обоюдных чувств. Они продолжали жить все в той же квартире, переживая одиночество вдвоем. Правда, недолго – Алексей поступил в летное и переехал на казенные харчи. Отец не писал ему никаких писем, лишь раз в месяц присылал посылки с самым необходимым и с вложенной запиской, которая всегда начиналась и заканчивалась одинаково: «Здравствуй, Леша, как успехи в учебе» и «До свидания, успехов в учебе».

Как казалось Алексею, отец всегда был им недоволен. Ну, или доволен не до конца: и когда он окончил летное на одни пятерки, и когда как отличник отправился в элитные погранвойска, единственный среди выпускников курса. Словно, что бы ни сделал Алексей, – все изначально было недостаточно хорошо. Отец не понимал его, точнее даже – не хотел понимать. И вот это было обиднее всего, ведь отец и сам был таким!

Принципиальный, честный до дыр в кармане, всего себя отдававший работе, служению людям, выпертый на пенсию раньше срока новым руководством как раз за принципиальность и неумение выслуживаться, именно он должен был понимать сына лучше других, именно ему должны были быть ясны и близки мотивы Алексея. Но ни словом, ни взглядом он ни разу не показал, что одобряет сына. Наоборот, смотрел так, словно сын опозорил и его тоже, не оправдал надежд.

И что бы ни происходило в жизни Алексея, он знал: отец не встанет на его сторону. Даже аргументов искать не будет, просто априори ответ будет один – сам виноват. И он не делился с ним ничем, не раскрывал душу и не ждал поддержки. И сейчас никакой радостной встречи он не ждал. Спасибо, если хоть не выгонит.

Все получилось примерно так, как и предполагал Алексей. Он вошел в солидный московский двор, огляделся, пытаясь вызвать внутри воспоминания детства. Монументальными колоннами уходили вверх дома сталинской застройки, туда же, в небо, стремились остроконечные стройные тополя у подъездов. Когда Лешка был маленьким, тополя тоже были худенькими, низенькими, а теперь окрепли, вытянулись, раздались вверх и вширь, достигая пятого этажа.

Немного постояв, Алексей направился к подъездной двери. Она все та же – старая, массивная, даже домофоном не оснащена по современным правилам... Потянув на себя ручку, Алексей вошел в темную прохладу подъезда, поднялся по ступенькам к квартире и остановился. Насупленным взглядом посмотрел на кнопку звонка, внутренне готовый к неласковому приему.

На душе снова стало мутно, тошнотворной волной поднялись недавние воспоминания о мерзости ситуации, в которой оказался не по своей воле. Алексей отдернул уже занесенную руку от кнопки и отошел. Опустился на ступеньки, положив рядом свою потрепанную сумку, и приготовился ждать. Он знал, что отец обязательно выйдет из квартиры вынести мусор. Он делал это регулярно, ежедневно – не терпел, когда в ведре накапливались отходы выше чем на треть.

Ждать пришлось долго, не меньше часа. Наконец дверь открылась, и из нее показался отец – с предсказуемым мусорным мешком в руках, сосредоточенный, будто совершал очень серьезное дело. Взгляд его сразу натолкнулся на Алексея. Не поздоровался, даже не кивнул, прошел к мусоропроводу молча, словно мимо пустого места, аккуратно выбросил черный пакет, ухнувший вниз с булькнувшим звуком, захлопнул металлическую крышку. Алексей в этот момент невольно почувствовал себя такой же вот горсткой мусора, без сожаления сброшенной в помойку.

Ни слова не сказав, отец вернулся в квартиру, лишь дверь оставил открытой – молчаливый сигнал, разрешение на вход. Скрепя сердце Алексей вошел следом. Выбора у него не было.

Отец прошел на кухню, не спрашивая согласия, налил из большой кастрюли тарелку супа, острым складным ножом крупными ломтями нарезал черного хлеба, поставил все это перед Алексеем, резко резюмировав:

– Ешь!

Прозвучало как приказ, но спорить Алексей не стал: он был голоден как волк, из военного городка уехал без копейки в кармане, выложив все скопленные сбережения в счет убытков по злополучным джипам. Спасибо, Пашка-командир подкинул на дорогу, иначе вообще неизвестно как до Москвы бы добрался, впору зайцем на электричках...

Алексей сидел за столом и с жадностью уминал холостяцкий суп с пережаренным луком, особенно налегая на свежий с хрустящей коркой хлеб. Когда голод потихоньку улегся, не без любопытства скользнул взглядом по комнате. Скромная обстановка их небольшой квартирки, в которой всегда было тесновато, не менялась. Та же мебель, купленная в восьмидесятые годы прошлого века, даже лампа с темно-зеленым абажуром на столе отца та же.

Алексей усмехнулся. Гениальный авиаконструктор, дизайнером отец был никудышным: стены комнаты он увешал снимками самолетов, чертежами, своими фотографиями на фоне крылатых машин, в цехах, кабинетах и прочих производственных местах.

Отец не смотрел на Алексея. Он сидел за старенькой со стершимися желтоватыми буквами на кнопках печатной машинкой, перед которой лежали кипы бумаг. Машинка эта тоже была родом из прошлого, как и допотопный громоздкий телевизор, транслирующий новости. У Алексея потянуло слева, под сердцем. Он ощутил, как соскучился по дому, по этой простенькой, но все же родной, до боли знакомой домашней атмосферы, соскучился по отцу...

Несмотря ни на что, Алексей любил отца. И сейчас, глядя на него, согнувшегося над машинкой, он вдруг ощутил, как сдал, состарился отец. Это был уже не широкоплечий, пышущий здоровьем мужчина, а пожилой одинокий и не слишком счастливый человек. Ему вдруг стало жаль отца, захотелось неожиданно вопреки всякой логике сказать ему что-то ободряющее, простое, искреннее, сыновье. Но отец на Алексея не глядел. Он уткнулся в свои бумаги, перебирал листы, шевелил губами.

Алексей перевел взгляд на экран. Трансляция шла без звука, и смешно было наблюдать за тем, как водит руками ведущий, беззвучно открывая рот, будто рыба. Их движения были схожи с отцовскими.

Алексей решил нарушить тишину нейтральным вопросом:

– А что звука нет?

– И так все ясно – победы по всем фронтам, – не отрывая головы от записей, отозвался отец.

Алексей помолчал. Хотелось продолжить диалог, стянуть попрочнее эту с трудом завязавшуюся ниточку общения. Он снова посмотрел на отца, который с суровым видом стучал по клавишам. Алексей знал – отец пишет какую-то бесконечную книгу об авиации, некую смесь беллетристики с техинструкцией, но в подробности никого не посвящал. Впрочем, Алексей никогда и не настаивал. Сейчас же поинтересовался, но больше для поддержания разговора:

– Как книжка движется?

– Нормально, – односложно бросил отец, не вдаваясь в детали.

– А что не на компьютере? – решил посодействовать сын. – Там стирать можно.

– Стирать – это для тех, у кого мысль виляет, – отрезал отец.

Вот так всегда – прямолинейно, топорно. И книжка наверняка такая же получится: без полутонов, очень правильная и до зубной боли скучная. Интересно, что он там успел написать?

Алексей украдкой бросил взгляд на папку с надписью на обложке и улыбнулся.

– Записки последнего авиаконструктора – классное название! – решил он и протянул руку, однако отец тут же накрыл ее своей ладонью.

Конечно же, он не даст прочесть ни строчки сырого материала, хотя непонятно, какой в этом смысл, если в готовой книге все равно ничего не изменится?

Алексей вздохнул, и видя, что отец по-прежнему не проявляет ни малейшей радости от его присутствия, а, напротив, только раздражается, сказал:

– Пап, я ненадолго. Как работу найду – сниму комнату или что-то такое.

– Какую ты работу найдешь? – не переставая печатать, поинтересовался отец.

– Мало ли. Знаешь, как я картошку чищу! – Алексей подмигнул отцу, но тот не поддерживал шуток. Язвительно прокомментировал:

– С неба в кухарки – неплохо.

– Пап, ну, не сыпь соль на раны! Я же не нарочно.

– Да у тебя всегда все не нарочно! – Отец отодвинулся на стуле и в сердцах отбросил в сторону готовый листок. – Из погранцов выперли, из ВВС – тоже. Теперь даже с грузовика сняли. Не нарочно, да? Все. Пора взрослеть. Дальше – сам.

Алексей виновато опустил голову. Странно, ведь вины-то за свой отчаянный поступок он так и не чувствовал, а вот почему-то перед отцом было стыдно. Как-то умел он постоянно вызывать в нем чувство вины, одно из самых тяжелых, невыносимых для человека. Может, потому и отношения не клеились, что Алексею невыносимо было жить с этим чувством.

Отец умолк, пытаясь справиться с раздражением. Затем неожиданно встал, взял трубку стационарного телефона и, набирая номер, подошел к стене с фотографиями, всмотрелся в одно изображение. Алексей тоже посмотрел туда. На черно-белой фотографии были сняты отец и его друг, бывший пилот Шестаков, ныне руководитель крупной частной авиакомпании – оба молодые, улыбающиеся, стоящие дружески в обнимку.

Отец прочистил горло:

– Алло! Товарищ большой начальник самой молодой авиакомпании страны? Ну, здравия желаю – Гушин это. Как там, не догнали еще Аэрофлот? Ну, все впереди. Слушай-ка, а вы летчиков сейчас набираете? Да интересовался тут один товарищ... Дальний родственник.

Отец сурово взглянул на сына, Алексей опустил глаза, хотя внутри у него все затрепетало. Он сразу понял, что отец позвонил Шестакову по его душу, а значит, у него появился шанс вернуться в небо! Алексей затаил дыхание, боясь спугнуть неожиданный порыв отца.

– Да нет, седьмая вода на киселе. У него там с характеристиками беда, но, может, посмотрите его? Конечно, на общих основаниях, а как же? Ну, тогда он скажет, что от меня, да... Если что не так, пусть гонят в шею. Ну, добро! В случае чего, – отец постучал по деревяшке фотографической рамки, – зовите. Я еще жив.

Положив трубку, он повернулся к Алексею и строго произнес:

– Ну, вот... Будешь нормально себя вести – может, со временем даже в Аэрофлот возьмут. И попробуй хотя бы сейчас без этих своих вот... – он неопределенно покрутил рукой в воздухе, подразумевая выкрутасы сына. – Просто сделай, как люди.

Алексей аж встал – отец совершил что-то небывалое! Небывалое, невозможное, о чем он и думать не мог как о фантастическом событии! У Алексея даже не было слов, ком встал в горле, и он лишь выдавил:

– Спасибо, пап.

Горло разомкнуло, Алексей порывисто шагнул вперед, хотел обнять отца, но тот тут же отстранился, мгновенно закрывшись в своей раковине, пуленепробиваемой, как обшивка броненосца. Алексей отступил.

– Деньги-то есть? – бросил отец.

– Есть, – соврал Алексей.

Гушин-старший хмыкнул сквозь сжатые губы, кивнул:

– Вон в тумбочке возьми... И ключи там.

Вот в этом был весь отец: накормить, обеспечить, помочь делом. И это было, конечно, важно. Но вот поговорить по душам, спросить искренне – ну как ты, сынок? Не тяжело ль тебе? – вот на это рассчитывать было нельзя. Отец как будто был собран строго по инструкции, подобной тем, что сам писал в течение долгих лет, конструирования летательных аппаратов.

И получился на выходе качественно собранный на хорошем заводе, четко и слаженно работающий механизм. Очень много в нем было стального, металлического, и очень мало – человеческого.

Но отец был уже немолод, и надеяться на то, что он изменится, не приходилось. Да это и не надо было никому: ни Алексею, ни тем более ему самому. И сейчас Лешка был ему благодарен за заботу – схематичную, сухую, но все же заботу. А уж его звонок в авиакомпанию – это высший показатель. Тут отец превзошел самого себя, и в этом проявилась его любовь к сыну, а не в задушевных беседах за полночь за сердечной бутылкой.

Исполнив таким образом свой отцовский долг, он тут же снова уселся за машинку и принялся долбить одним пальцем по клавишам. За длительное время работы над своей бесконечной книгой он так и не научился печатать двумя руками. Так и тыкал своим полусогнутым указательным, и строчки медленно ползли по бумаге, будто зернышки гречихи сыпались из малюсенькой дырочки в прохудившемся мешочке...

Алексей благодарно кивнул отцу, положил пустую тарелку в раковину и включил воду, чтобы помыть, но тут же поймал недовольный исподлобья взгляд отца. Он не терпел любого шума, когда работал, это Алексей помнил с детства, когда им с мамой приходилось ходить на цыпочках и разговаривать шепотом, если отец запирался в комнате со своими чертежами. Он закрыл кран и так же на цыпочках вышел.

* * *

Новенький красный аэроэкспресс подкатил к конечной станции, затормозив под куполом дебаркадера, и тотчас из динамиков послышался голос объявителя: «Аэроэкспресс Москва – Аэропорт прибыл на первый перрон». Автоматические двери разъехались, и оттуда хлынула разномастная толпа с сумками и чемоданами на колесиках. Алексей толкался среди пассажиров, постоянно задевая кого-то, хотя сам был без поклажи. Он крутил головой, заглядываясь на виднеющиеся вдалеке за стеклом дебаркадера огромные лайнеры с символикой Аэрофлота.

В учебный центр авиакомпании он сам летел как на крыльях, однако все-таки припозднился. Из-за этих дурацких пробок, которыми была забита вся столица и к которым он оказался совершенно не готов, потерял лишних полчаса! Упускать шанс, подаренный отцом, было равносильно самоубийству. На ходу поглядев на часы, Алексей ускорил шаг и в холл учебного центра уже практически вбежал.

Издаലെка до него донесся гулкий крик – кто-то ругался в конце длинного коридора, ругался громко, и эхо развевало гневные слова вокруг. Приблизившись, Гущин увидел нескольких пилотов в форме и гражданских, наблюдавших за сценой ссоры. А в дверях, перегородив Гущину дорогу, стоял очень уверенного в себе вида человек в летной форме, с мужественным непроницаемым лицом и невозмутимо выслушивал отповедь распинавшегося перед ним пилота помоложе, лет тридцати пяти, разгоряченного и очень эмоционально пытавшегося что-то доказать – по-видимому, стажера.

– Вы хоть понимаете, что вы меня просто убили? – вопрошал он, обращаясь к старшему.

Тот монотонно, деревянным скрипучим голосом возражал:

– Еще раз – я вас не убивал. Я написал в рапорте, что вы не можете работать пилотом в нашей компании. Это не конец жизни.

– Да как не конец?! – воскликнул стажер в отчаянии.

– Вы можете устроиться диспетчером, – снисходительно произнес летчик.

– Это вы уже устроились хорошо! – со злостью выкрикнул стажер. – Этот не годится, тот не годится, один вы – пилот!

Стоящие кругом переглянулись. Похоже, стажер перегнул палку, зацепив опасную струну. Старший пилот несколько секунд пронизывал его стальным взглядом, затем, ни слова не говоря, развернулся и пошел прочь. Разобиженный, только что чуть не плачущий от досады стажер выкрикнул ему вслед:

– У вас же ни один стажер в пилоты не проходит. Может, это в вас дело?

Летчик остановился, повернувшись на каблуках, вернулся. Его лицо оставалось непроницаемым, лишь пульсирующая на виске темно-синяя жилка выдавала, что внутренне он взбешен.

– Может, и во мне, – проскрипел он. – Может, это я должен не допускать в компанию неуравновешенных, невнимательных и невыдержанных людей. Что и делаю.

Отчеканив эту фразу, он снова ушел, на этот раз окончательно. Стажер в бессильной злобе сжал кулаки и, шепотом пробормотав в удаляющуюся спину ругательство, подхватил свою сумку и понуро побрел в противоположную сторону. Пилоты, покачивая головами, вполголоса обсуждая увиденное, стали расходиться. Гуцин посмотрел вслед уходящему стажеру, почесал в затылке... Похоже, испытания его тут ждали серьезные. Впрочем, он был к ним готов. Штурвал он знал не просто как свои пять пальцев – как каждый в отдельности. И управлять самолетом для него было легко, потому что он чувствовал эту гигантскую стальную машину, словно живое существо. Так что стажер стажеру рознь. Плохо вот только, что опаздывает. И Алексей припустился бежать по коридору.

Как назло, он долго не мог найти нужную ему комнату: все двери были одинаковыми, без опознавательных знаков. Алексей поочередно дергал ручки, заглядывал внутрь и бежал дальше. Наконец, в самом конце коридора, рванув дверь на себя, он увидел просторный зал, где стояли капсулы авиатренажеров, и с облегчением перевел дух – именно сюда ему и было надо.

За столом сидели несколько мужчин в возрасте – члены комиссии, которым предстояло сейчас принимать экзамен у Алексея. Они неспешно переговаривались между собой о чем-то своем, житейском и, кажется, мало имеющем отношения к летному делу. Перед одним из них стояла табличка с надписью: «Председатель комиссии Смирнов М. П.». Алексей успел мимоходом его рассмотреть – седоватый, лицо простое, вроде не вредный на вид – и громко произнес:

– Здравствуйте!

Смирнов, продолжая разговор, обратился к своему собеседнику – как раз тому самому летчику, только что перекрывшему стажеру доступ к полетам:

– Ну, ладно, Леонид Саввич, тут ты не преувеличивай!

Но у того было свое непреклонное мнение, которое он не замедлил высказать:

– А все потому, что берем без должной строгости.

Он оторвался от своих бумаг и обернулся. Увидев Алексея, кивнул как бы в подтверждение своей мысли:

– Вот, пожалуйста.

Алексей сдержался, чтобы не покраснеть, и пробормотал:

– Простите, заблудился.

– Это вы так и с пассажирами разговаривать будете? – ехидно поинтересовался летчик. На его табличке значилась фамилия Зинченко. – Вы опоздали на тридцать пять секунд.

Последнюю фразу он произнес таким тоном, будто выносил Гущину смертный приговор. Председатель комиссии Смирнов проговорил миролюбиво:

– Давайте документы... Военный? – спросил он попутно.

– Бывший, – в сторону ответил Алексей – не было смысла скрывать.

Он протянул Смирнову папку с документами, тот принялся перелистывать ее, затем передал Зинченко.

– Ну, военный летчик – это хорошо, – констатировал он. – Надежный, значит...

– А чего характеристики такие плохие? – хмуро осведомился Зинченко.

Смирнов примирительно прервал его:

– Ладно, прошу в тренажер.

Он жестом пригласил Гущина в кабину. Алексей занял место, устраиваясь поудобней. На экранах за окнами тут же появилось изображение взлетной полосы.

Смирнов неторопливо принялся инструктировать:

– Так, стандартный взлет. Метеоусловия благоприятные. Приступайте.

Гущин уже взялся за воображаемый штурвал, потянул ручку, и самолет взмыл в небо. Не удержавшись, Алексей испустил негромкий победный клич. Все волнение предыдущих часов ожидания мгновенно улетучилось, никакой тревоги он не испытывал. На лице сама собой появилась улыбка. Вокруг было небо, а это его родная, понятная и привычная стихия. Здесь Алексей чувствовал себя как рыба в воде. И хотя это была всего лишь имитация, Алексей ощутил, как он соскучился по кабине, по всем этим приборам и переключателям, по ощущению полета.

Испытание началось. Алексей ничуть не боялся его завалить – искусственный самолет был ему послушен, как настоящий.

Он услышал одобрителный возглас Смирнова:

– Это есть.

Но тут же возник неприятный, режущий слух голос Зинченко:

– Михал Палыч, а дайте нам облачность! И турбулентность среднюю.

Смирнов принялся щелкать тумблерами на своем пульте, и метеоусловия на экране, подвластные компьютерной программе, изменились. Кабину начало потряхивать, но Гущин, ничуть не смутившись, уверенно стал переключать разные датчики. Самолет, повинаясь его твердой руке, шел вперед. В ухе раздался голос Зинченко:

– Вы бы заняли триста шестидесятый эшелон, спокойнее будет.

Однако Гущин не ответил, продолжая вести самолет по-своему.

Зинченко обратился к нему уже с нажимом:

– Вы слышите?

Алексей, охваченный азартом, даже не обернулся и позволил себе своеволие:

– Вот будете пилотом – идите себе в триста шестидесятом!

После его манипуляций с датчиками на табло появилась цифра «410». Облачность за окнами рассеялась и ушла вниз.

Смирнов, изумленно присвистнув, обратился к членами комиссии:

– Сверху обходит, лихо!

Остальные согласно кивнули. Всем понравился этот маневр Алексея – неожиданный, нестандартный и даже дерзкий. Однако Зинченко не разделял всеобщего восторга. Он морщился, недовольный ответом Гущина – так ему, похоже, еще никто не отвечал. Он сжал челюсти и сквозь зубы произнес:

– Михал Палыч, добавьте нам немного...

Зинченко не озвучил своей просьбы, дабы Алексей не услышал подробностей, лишь покрутил рукой в воздухе, имея в виду метеоусловия, и мстительно добавил, резко нагнув большой палец вниз:

– И двигатель правый!

Смирнов внес изменения в программу, и кабину мгновенно сильно встряхнуло. Замигала красная лампочка, раздался тревожный сигнал. Гущин, еще не понимая, в чем дело, посмотрел на экран и увидел, что у него отключен один двигатель. Моментально поняв, чьих это рук дело, он на секунду повернулся и бросил яростный взгляд на Зинченко. Кажется, этот зловредный летчик и впрямь задался целью уничтожить всех стажеров на первом же этапе! Но Алексей взял себя в руки и снова включился в управление самолетом.

– Иду на посадку на ближайший аэродром, – проговорил он в микрофон.

Но Зинченко не унимался:

– Михал Палыч!

Смирнов включил параметры, которые просил Зинченко, и вслух прокомментировал изменения:

– Внешняя минус пять по Цельсию, полоса восемьсот метров, ветер в хвост, ночь. Леонид Саввич, не чересчур? – покосился он на Зинченко, явно считая, что тот перегибает палку.

Тот ничего не ответил, лишь плотнее сжал тонкие губы. Однако Гущин, кажется, не собирался сдаваться. Во всяком случае, он упрямо вел самолет-тренажер, сосредоточившись на предстоящей посадке, которая обещала быть нелегкой. Не торопясь, очень внимательно следя за малейшим движением вверенной ему машины, Алексей плавно пошел вниз. Самолет опустился на посадочную полосу. Он не слышал, как Смирнов, наблюдая за его действиями и явно переживая за новенького стажера, бормотал себе под нос:

– Тормози, тормози – полоса короткая.

Алексей затормозил, но было поздно: самолет врезался в изображенную на экране стену, картинка рассыпалась, изображение тут же пропало. Ошеломленный, Алексей сидел в темноте перед пустым экраном, не в силах поверить, что все закончилось именно так. Как же так? Ведь он все делал правильно! Справился с почти фантастическими условиями, в которые намеренно поставил его Зинченко, наверняка желая поражения! Он посадил самолет, и кто мог предугадать, что выдуманная графиками посадочная полоса окажется такой неправдоподобно короткой? Никто!

Зинченко же казался вполне удовлетворенным, ожидавшим именно такого исхода.

– Ну, все ясно, – проговорил он, поднимаясь. – Спасибо, успехов.

И хотя последнюю фразу он произнес абсолютно ровным тоном, Гущин уловил в ней злорадство...

Он не видел обращенных ему в спину сочувственных взглядов Смирнова и других членов комиссии, когда выходил из тренажерного зала на негнущихся ногах, а в голове билась единственная мысль: «Только не оборачиваться!» Потому что обернуться в тот момент казалось ему унижить себя. Гущин был уверен, что выглядит жалко, как побитая собака. Самолюбие его было не просто уязвлено – оно было разбито в пух и прах, уничтожено этой невозможной, ужасной, неправдоподобной ситуацией.

Гущин понуро добрал до конца коридора, механически переставляя ноги. Так же на автопилоте спустился по лестнице в вестибюль. Направляясь к выходу, увидел сквозь прозрачную стеклянную стену комплекс АСП – аварийно-спасательной подготовки. Там бойко шла перекличка: тренер выкрикивал фамилии выстроившихся в шеренгу стажеров в фирменных майках с гордой надписью «АЭРОФЛОТ», те громко отвечали: «Я!» – делали шаг из строя и возвращались назад. Алексею была видна накрененная кабина самолета, из которой через окно по канату спускались проворные фигуры, в то время как другие взбирались по канатам вверх под самый потолок. Съезжали по надувным трапам улыбчивые вышколенные стюарды... Шел обычный учебный процесс, отлично знакомый Гущину. Однако сейчас он наблюдал за всем этим словно за волшебным действием, недоступным ему, отгороженным стеклянной стеной, как фантастический фильм на экране. Как замороженный, Алексей оста-

новился, с тоской и завистью взирая на действия сотрудников Аэрофлота. Никогда, никогда ему не быть среди них...

Поймав строгий взгляд тренера, обращенный на него, Алексей смутился и поспешно вышел за дверь. Он уныло тащился через автостоянку к автобусной остановке, а ноги двигались еле-еле, и Алексей нарочно заставлял себя переставлять их.

* * *

Это был не просто провал – это был конец всему. Такого колоссального нокаута он никак не ожидал и теперь не представлял, как вернется в квартиру отца, что скажет ему... Впрочем, и говорить ничего не нужно было – отец по его виду и так все сразу поймет. И тоже ничего не ответит, лишь посмотрит таким взглядом – легче, наверное, удавиться, чем его выдержать. И главное, все получилось настолько быстро, что Алексей даже сообразить не успел, как в один миг вновь очутился за бортом жизни, едва получив шанс в нее попасть.

А жизнь вокруг кипела, бурлила и вовсе не собиралась заканчиваться вместе с трагедией Гущина. Алексей же шел, не замечая ничего вокруг. И только слишком уж долгий и пронзительный звук, пробивший барабанные перепонки, заставил его остановиться и посмотреть, что происходит.

Звук несся как будто откуда-то снизу – злой, требовательный автомобильный гудок. Словно кто-то вдавил клаксон и не отпускал. Алексей даже не понял, кто это был – находившиеся на стоянке автомобили пустовали. Вдруг из притулившейся сбоку маленькой серебристой машины выскочила девушка, явно на взводе, и принялась суетливо крутиться вокруг огромного джипа, владелец которого, особо не заморачиваясь удобством соседей, просто поставил свою громаду как придется – видимо, очень спешил. В результате машинка девушки, среди здоровенных внедорожников и впрямь незаметная и выглядевшая как игрушечная, – оказалась запертой мощным черным гигантом.

Девушка безрезультатно нарезала круги подле джипа – хозяина на месте не было. Наконец, взвинченная до предела, она в сердцах пнула его по крышке. Тут же визгливо заголосила сигнализация, оглашая своим воем всю улицу. Но и это не заставило хозяина появиться и убрать свою машину.

Алексей невольно улыбнулся. Смешно было наблюдать, как хрупкая девушка в одиночку воюет с этим монстром. Наблюдая со стороны за этим поединком, Алексей рассматривал девушку – хоть какое-то развлечение этим безвозвратно испорченным утром. Это была классическая длинноногая блондинка в брючном костюме, очень эффектная и привлекательная и, кажется, добрая. Во всяком случае, миловидная мягкая округлость лица свидетельствовала об этом. Правда, сейчас она излучала отнюдь не добродушие: светлые глаза ее метали яростные молнии, и она больше походила на воинственную амазонку, по иронии судьбы облаченную в современную фирменную одежду. Девушка покраснела, но, как все блондинки, не слишком ярко, и этот нежный румянец очень ей шел. Видя, что самой ей никак не справиться, Алексей решил прийти на помощь:

– Девушка, за что вы ее так? – миролюбиво спросил он.

– Ваша? – сверкнула на него серыми стрелами «амазонка» вместо ответа.

Алексей внутренне почувствовал, что при положительном ответе будет беспощадно уничтожен на месте, испепелен одним только взглядом.

– Вроде нет, неужто похоже? – продолжал он в дружелюбном ключе.

– Вот какой носорог ее так поставил?! – воскликнула девушка и с досады еще раз пнула ни в чем сам по себе не повинный джип.

– Кто-кто? – усмехнулся Алексей.

– Просто... Ни одна женщина бы так не поставила! Наверняка мужик. И наверняка кто-то из летчиков! Вот что за люди?! На всех наплевать, ни до кого дела нет.

Девушка перешла на причитания, но Алексей, будучи человеком действия, уже нашел выход.

– Давайте ключи! – он протянул руку и повторил настойчивее: – Давайте, не бойтесь.

– Зачем? – подозрительно спросила собеседница.

– Попробуем перелететь.

– Вы летчик, что ли? – с еще большим подозрением спросила она и нахмурилась.

Алексей не ответил. Он и сам не знал теперь ответа на этот вопрос. Девушка с сомнением крутила ключи в руке, не зная, что делать. Гуцин решил за нее – аккуратно взял связку, с удовлетворением отметив, что хозяйка машины не воспротивилась его самовольству. Алексей сел в ее машину, на деле оказавшуюся еще меньше, чем казалось снаружи, завел двигатель и сдал назад, в обратную сторону, выехав через газон с цветами. Девушка смотрела с недоверием. Но Гуцин уже остановился прямо посреди клумбы и смотрел на девушку, ожидая одобрения – машина была освобождена. Приоткрыв на секунду дверь, Алексей подрулил к девушке и вышел из машины. В руках он держал небольшой цветочек, сорванный с клумбы, который протянул девушке. Та усмехнулась.

– Александра, – представилась с улыбкой.

– Леша, – просто сказал в ответ Гуцин.

Он знал, что сейчас повиснет пауза, после которой нужно будет либо прощаться, либо говорить что-то интересное. Первого ему не хотелось, на второе он сейчас был неспособен, поэтому торопливо проговорил:

– Слушайте, Александра... А подвезите до метро, а?

Девушка удивленно подняла тонкие брови, потом пожала плечами и сказала:

– Ну ладно, поехали!

Алексей перебрался на пассажирское сиденье, Александра села за руль, и они поехали по шоссе.

– О чем задумался, командир? – следя за дорогой, спросила новая знакомая.

– Я не командир, и им никогда не был, – без сожаления ответил Гуцин. – Даже тут – справа.

Александра бросила на него непонимающий взгляд, и Алексей пояснил:

– Понимаете, у летчиков командир всегда сидит в левой чашке, то есть в кресле. А справа – пилот. Так что командир сегодня вы.

– Значит, все-таки летчик, – констатировала Александра с каким-то сожалением.

Теперь Алексею было непонятно. Он впервые сталкивался с подобной реакцией. Обычно девушки при знакомстве, узнав о его профессии, приходили в восторг.

– Да за что же вы летчиков так не любите? – не скрывая недоумения, обратился он к Александре.

– А за что их любить? – оттопырила та губу. – Надменные, самоуверенные, надутые.

– Носороги, – подсказал Алексей иронично.

Она подхватила иронию, ответила ему в тон:

– Типа того, господин летчик.

– Бывший, бывший летчик, – со вздохом признал наконец Гуцин. – Экзамен сегодня завалил, с концами.

И только проговорив это вслух, осознал, что другая жизнь – без неба, без штурвала в руках, без всего, что он любил, – уже началась... И теперь будет такой всегда.

– Двоечник, что ли? – небрежно осведомилась Александра.

– Наоборот. Решил показать инструктору класс, а он меня и выпер, – пожаловался Алексей – ему очень хотелось сочувствия, хотя бы от малознакомого человека, ибо ни от

кого другого его ждать ему не приходилось. Однако спутница отнюдь не была настроена выражать жалость и поддержку.

– Ну и правильно, – безапелляционно резюмировала она. – Умнее надо быть.

– Ах, так! – Алексей ничуть не обиделся. Ему казалось забавными, что эта пигалица на высоких тонких каблучках, наверняка любимая избалованная дочка богатых родителей, живущая за счет мамы с папой, пытается учить его жизни. Он даже спорить с ней не стал, лишь полубопытствовал:

– А вы чем занимаетесь?

– Ну, не всякими этими глупостями... – уклончиво ответила она, и он уточнил:

– Летать – это глупости?

– Глупость – спорить с инструктором, – снисходительно бросила девушка.

Стройность их диалога была грубо нарушена зажужжавшим зуммером: это в кармане Алексея зазвонил телефон. Однако он не стал отвечать: во-первых, был увлечен спором, во-вторых, наверняка ничего важного и информативного в этом звонке не было. Всю информацию о своей дальнейшей жизни он уже получил несколько минут назад в кабине авиатренажера, и была она точной и окончательной, как приговор. Алексей, не доставая телефона из кармана, нажал кнопку разъединения, сам же обратился к Александре:

– Завидую вашей уверенности.

Она с интересом и легким превосходством на лице посмотрела на него и спросила:

– Вот скажите, что для вас важно – летать или ваше эго?

– Да при чем тут эго? – Алексей попытался объяснить свою позицию, но настырный телефон зазвонил вновь – кто-то очень упорно домогался его этим утром.

А Александра, воспользовавшись его замешательством, быстро перехватила инициативу и заговорила совсем уж пренебрежительно:

– Ой-ой-ой, вот это я в мужчинах обожаю! – она на секунду оторвалась от руля и прихлопнула в ладоши. – «При чем тут это, при чем тут я? Так получилось... Это все другие виноваты», – проговорила она противным гнусавым голосом и в сердцах добавила: – Да снимите вы наконец трубку!

Но Алексей уже разозлился. Тоже мне, нашлась знаток жизни и мужской психологии! Не сдерживаясь, он раздраженно ответил:

– Слушайте, куда вы лезете? Что вы вообще в летном деле понимаете?...

И, отмахнувшись от девушки, произнес в трубку:

– Алло...

А та с удовольствием продолжала, мотнув головой:

– Ага, еще вот это – что вы в этом понимаете? Можно подумать, только вы понимаете.

– Кто? – уже не слушая ее, спросил Алексей в трубку.

– Вы! – громко пригвоздила его Александра очень не вовремя, ибо звонок, вопреки всем прогнозам и ожиданиям, оказался очень важным. Не просто важным – судьбоносным! Точнее, он мог стать таким, но Алексей никак не мог расслушать до конца, что говорит ему мужской голос, поскольку Александра, войдя во вкус, трещала непрерывно, не обращая внимания на то, что он уже беседует вовсе не с ней.

– Тихо! – повернувшись, рявкнул Алексей.

У него замерло сердце, он не верил своим ушам...

– Что??? – вытаращив глаза, опешила Александра.

– Да помолчите вы! – уже примирительно добавил Гущин. – У меня звонок важный!

Александра надула губы и резко затормозила. Наступила долгожданная тишина, и Алексей смог наконец разобрать летевшие в трубку слова. Он впитывал их, как высохшее растение влагу, и ему казалось, что никогда и ничего радостнее этих слов он не слышал, и только механически повторял в трубку:

– Ага... Что? Да, понял. Буду.

Связь прервалась, но Алексей даже не сразу заметил это. Находясь будто в ступоре, он несколько секунд все еще прижимал телефон к уху, пока наконец не услышал злой и категоричный возглас Александры:

– Вон из машины!

Алексей был настолько ошарашен – но отнюдь не ее репликой, а тем, что услышал в трубке. Второй раз за этот короткий отрезок дня жизнь показала ему, какие крутые виражи и кульбиты она может совершать – не хуже, чем пилоты в небе.

Алексей смотрел в пылающее гневом лицо Александры, но, вопреки ее ожиданиям, ничуть не сердился. Наоборот, он широко улыбнулся и шепотом, будто боясь спугнуть наступившее счастье, проговорил:

– Ура!

* * *

А в кабине тренажера, покинутой Гуциным с видом проигравшего сражение полководца, разгорелись нешуточные страсти. Председатель комиссии Михаил Павлович Смирнов был явно недоволен результатом испытания, а особенно – действиями пилота Зинченко, намеренными и злокозненными.

Смирнов был знаком с Зинченко много лет и знал как отличного летчика и въедливого, упрямого человека. Если ему что-то втемяшится в голову, будет с упорством параноика доводить до конца свои порой абсурдные идеи. Вот взъелся сегодня на этого новенького! А с чего? Да просто так, на ровном месте! Непочтительно ему ответили, видите ли... А то, что пилотов нехватка и пятый месяц не могут подобрать кандидатуру – об этом не думает. И в основном ведь из-за него, Зинченко, которому и впрямь было сложно угодить.

Одного стажера он считал полным неумехой, другого – способным, но безалаберным, третьего – вообще никуда не годным по каким-то одному ему известным критериям. Но сегодняшний испытуемый поразил даже повидавшего виды Смирнова. Каков парень, а? Михаил Павлович служил в авиации не один десяток лет и знал, что по-настоящему талантливые летчики встречаются не так уж и часто. Так же, как, к примеру, футболисты. Хороших много, а Пеле один. И этот Алексей Гущин показался ему очень незаурядным. Сыроват, конечно, но так он еще и молод. Из него выйдет толк, обязательно выйдет. Точнее, вышел бы, если бы не Зинченко.

Смирнов покосился на него – сидит, заполняет бумаги, и ухом не ведет. Даже головы не поднимает. И ведь полностью уверен, что абсолютно прав. Вот что было самым скверным в Зинченко – никогда не признает свою неправоту! Обычно Смирнов старался с ним не спорить – себе дороже. Просто махал рукой. На этот же раз он твердо решил отстоять парня.

– Леонид Саввич! Я не согласен с результатами испытания, – прямо заявил он, обращаясь к стриженному затылку Зинченко, склонившегося над бумагами. – Стажер самолет посадил? Посадил! Испытание считается зачтенным.

Смирнов прямо физически услышал, как протестующее заскрипели пружины внутри Зинченко.

– Ну и что, что посадил? – Он таки поднял голову и постучал пальцем по заполняемому документу. – Я гляжу на факты – военный летчик угробил самолет. Что еще?

Но Смирнов тут же нанес ответный удар, прорывая глухую оборону Зинченко:

– Он шел отлично. Ты его нарочно валить начал, – и добавил откровенно и жестко: – Потому что тебе слово поперек не скажи!

Зинченко занудно принялся перечислять:

– Есть правила, есть инструкции, есть субординация. И характеристики у него хуже некуда. Отовсюду гнали. Так что нечего его защищать.

Он счел эту фразу итоговой формулировкой и хотел уже продолжить заполнять свои бланки, но Смирнов не отступал:

– Никого я не защищаю. Но в таких условиях машину не посадил бы даже...

Зинченко посмотрел прямо на Смирнова. Обычно сдержанный и благодушный, на сей раз Михаил Палыч был очень сердит. И вывел его из себя как раз Зинченко, и председатель комиссии, не собираясь его щадить, завершил резко:

– ...никто бы не посадил!

– Хорошо. – Зинченко, тоже раздраженный, поднялся.

Смирнов его раззадорил, взял чуть ли не на слабо, и Зинченко решительно двинулся к кабине тренажера и сел в кресло.

– Давай то же самое! – с досадой бросил он Смирнову, собираясь на деле доказать свою правоту и раз и навсегда поставить жирную точку в этом возникшем противоборстве, которое сам считал пустым и бессмысленным, ибо в нем все было ясно изначально: он прав.

Смирнов, который только того и добивался, очень быстро подключил все условия, в которых несколько минут назад вел воображаемый самолет Гушин.

На экране перед глазами Зинченко возникла полоса аэропорта – та самая, которую не прошел Гушин и которую должен был сейчас пройти он сам. Зинченко не волновался. Он считал это вполне рядовым заданием. Леонид Саввич взялся за штурвал...

Результат оказался плачевным: самолет разбился точно так же, как тогда, когда его вел Гушин. Зинченко мрачно смотрел на потухший экран и молчал. Равно как и все собравшиеся вокруг и с интересом наблюдавшие за итогом спора. Многие были на стороне Смирнова и «болели» против Зинченко – многим успел надоесть этот напыщенный зануда. Так что теперь, когда и он, получается, «угробил» самолет, спор оказался решенным. Это было настолько явное поражение Зинченко, что он даже не стал ничего комментировать, а просто встал и собрался уходить.

Но Смирнов остановил его, произнеся со значением:

– Леонид Саввич, протокол экзамена надо подписать.

Нейтральная фраза Смирнова была с глубоким смыслом. Подписать протокол означало признать, что стажер Гушин прошел испытание и принят в штат. Но одновременно это значило и признание фиаско Зинченко. А его порой зашкаливающее самолюбие было к этому не готово.

Нечеловеческим усилием воли пересилив себя, Зинченко нехотя поставил свою подпись и вышел, оставив Смирнова с другими членами комиссии.

Михаил Палыч, довольный и собой и результатом, подвел черту:

– Итак, комиссия рекомендует принять Гушина А.И. стажером. Все согласны?

Согласились все без исключения.

– Добро, – с удовлетворением констатировал Смирнов. – За кем закрепим стажера Гушина? Кто из асов посвободнее?

Один из его коллег с намеком произнес:

– Сегодня как раз один освободился, – и бросил многозначительный взгляд на дверь, за которой скрылся Зинченко.

Смирнов довольно улыбнулся, одобрительно качнул головой и со злорадным удовольствием вписал фамилию Зинченко напротив слова «инструктор».

* * *

В первый свой рабочий день на новом месте Алексей Гуцин шагнул рядом с пилотом Зинченко по залу московского аэропорта. Он до сих пор не до конца верил в то, что оказался здесь. И в самом деле, кто мог предположить, что все так круто переменится, встанет с ног на голову? Нет, наверное, все же с головы на ноги, ибо то, что его, Алексея Гуцина, не приняли на службу с первого раза – вот это и было неправильным и неестественным.

Алексей так и не мог понять, что же произошло и кого он должен благодарить за свое чудесное возвращение в авиацию, за то, что оказался в этом сверкающем аэропорту с яркими меняющимися салютными вспышками рекламного панно, за сверкающие крылья на погонах, за блестящую кокарду на фуражке. Он нравился самому себе в новенькой форме и невольно косил взгляд, стараясь лишний раз увидеть себя в отражении, пока не одернул сам себя – как баба, честное слово!

Попадавшиеся навстречу девушки благосклонно улыбались ему и даже оборачивались вслед, и это было лучшим подтверждением того, насколько круто он выглядит.

Здесь Алексей окунулся в совершенно новую и непривычную для него обстановку, такую непохожую на суровую серость военного аэродрома!

Здесь простирались огромные помещения, сияющие ослепительной чистотой, сновало много людей в красивой модной одежде. Пассажиры непрерывным пестрым потоком двигались в обоих направлениях, ползли по лентам погрузчика их чемоданы с наклейками, и сама обстановка вокруг была какой-то радостной, легкой, наполненной приятной суетой и многообещающей – совсем не такой, как в военной авиации.

Впереди что-то вспыхнуло, ослепило на миг глаза, потом еще, еще... Алексей зажмурился, а открыв глаза, обратил внимание на царившее возле VIP-зала столпотворение. Блики работающих камер появлялись постоянно. Гуцин, не привычный к подобным ситуациям, не сразу догадался, в чем дело, и лишь когда, сверкая улыбкой, в черных очках и ультрамодном наряде, в окружении фотографов и журналистов мимо прошествовала очень популярная кинозвезда, понял. Правда, поначалу не поверил своим глазам и остановился, с интересом следя за этим небольшим, но для него значительным событием. Никогда раньше ему не доводилось видеть знаменитостей так близко. Если не считать, конечно, друзей отца – всяких там известных кораблестроителей и штурманов, но это совсем другой уровень.

Зинченко же невозмутимо ступал рядом, оставаясь совершенно индифферентным. Более того, он, кажется, спешил поскорее пройти мимо шумной процессии и оказаться у металлоискателя, пропускавшего пилотов к самолету. Пока они шли, он все время нудно, на одной ноте инструктировал Алексея, давая все новые и новые указания, порой казавшиеся Гуцину просто мелкими и нелепыми.

Возле металлоискателя Зинченко остановился и, продолжая инструктаж, выложил из кармана телефон. Охранник кивнул, пропуская Зинченко, и приступил к Алексею. Похлопав его по карманам, он недовольно поморщился, услышав звон. Гуцин быстро полез в карман, достал ключи от дома и с улыбкой повертел ими перед охранником. Тот лишь молча кивнул на панель, и Алексей положил ключи туда.

Зинченко продолжал нудеть на ходу, портя настроение и Гуцину, и себе самому. Алексей даже подумал, что у него, может быть, язва, иначе с чего он постоянно такой хмурый и желчный?

– ...Это еще ничего не значит, то есть вообще не значит. Все зависит от того, как вы себя покажете. Вы пока никакой не пилот авиакомпании, а стажер. У вас испытательный срок. И вы подчиняетесь моим приказам и служебным инструкциям. После каждого полета

я должен подавать рапорт о том, как вы себя проявили. Учтите, я вижу все. Если что не так – рапорт на стол, и до свидания.

– Спасибо. И извините, что я это... про эшелон не так сказал, – Алексей, обрадованный своим назначением в штат пусть даже на испытательный срок, даже не огорчился, узнав, что попадает под опеку Зинченко, который наверняка станет трепать ему нервы. Он твердо решил установить с ним мирные отношения.

Однако Зинченко не услышал его последней фразы – он был обращен совсем в другую сторону. Алексей тоже посмотрел туда, заметив попутно, что все вокруг вдруг как-то подтянулись и насторожились. Спустя несколько секунд причина этого стала ясна: им навстречу в окружении замов шествовал Шестаков, глава авиакомпании.

Алексей помнил его еще нестарым, когда тот, случалось, нечасто приходил к ним в дом. Сам Лешка тогда был совсем маленьким и в посиделках Шестакова с отцом участия не принимал. Сейчас это был очень солидно выглядевший, совсем уже седой мужчина хорошо за шестьдесят. Гуцин отметил, что за это время у него появился властный взгляд и величаявая поступь, чего не было раньше.

Перед ним все услужливо расступались, угодливо склонялись, здороваясь. Шестаков, никого не замечая и глядя поверх челяди, смотрел вперед на Зинченко, двигаясь целенаправленно к нему.

При приближении на лице главы компании появилась улыбка. Он протянул руку Зинченко и крепко пожал ее. Гуцин, растянув губы до ушей, радостно подал свою ладонь. Шестаков спросил у Зинченко что-то незначительное, кивнул и двинулся прочь. Гуцина он даже не заметил, и тот так и остался стоять с пустой раскрытой ладонью, ловя обращенные на него со всех сторон насмешливые взгляды. Но этот «провал» уже нисколько не смущал Алексея: он не привык находиться в особых почестях у начальства. Гораздо больше его волновал предстоящий полет. Как пелось в старой песне про летчиков, его руки в буквальном смысле тосковали по штурвалу, и ему не терпелось оказаться поскорее в кабине.

Но прежде чем попасть туда, они с Зинченко прошли в штурманскую, где собирались экипажи для обсуждения полета. Штурманская, как всегда перед отправлением, была наполнена людьми в форме. В основном это были пилоты и бригадиры стюардов. Стоял привычный деловитый гул. При появлении Зинченко многие умолкали и почтительно с ним здоровались. Гуцин отметил про себя, что, оказывается, его инструктор пользуется уважением в коллективе. Алексей еще не знал, что представляет собой Зинченко как пилот, а как человек он пока что показался ему не самым приятным. Но, видимо, сотрудники знали его и с другой стороны, иначе не проявляли бы столь явно свою симпатию.

Вот и еще один пилот, увидев Зинченко, подскочил к нему и с ходу радостно сообщил:

– Леонид Саввич, сто двадцать четыре!

– Что сто двадцать четыре? – не разделяя его восторгов, уточнил Зинченко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.